

ЗАРУБЕЖНАЯ КУЛЬТУРА

ПОРТРЕТ НА ФОНЕ НОВОЙ КНИГИ:

Гюнтер ГРАСС

«Мое поколение — о себе я могу это утверждать с полной ответственностью — постоянно сознает, что оно по чистой случайности получило возможность писать, ибо люди моего года рождения — 1927 года, равно как и более старые... знают — эти возраста понесли огромные потери. Война привнесла своего рода, негативный отбор, уничтожив множество талантов, наверное, гораздо больших, нежели все мы, вместе взятые. И когда я пишу, то ощущаю — не всегда, но часто — что я говорю от имени множества людей, которых уже никого не смогут высказать».

Эти слова принадлежат одному из современных писателей ФРГ Гюнтеру Грассу. Славу его никак не назовешь спокойной, незыблемо академичной: книги Грасса, начиная с романа «Жестяной барабан» (1959), неизменно становятся центром бурной подачи ожесточенных споров. Патентные, острые, до прорваний сюжеты, к тому же еще и прихотливо переплетающиеся внутри каждой книги и от книги к книге: персонажи то выпустили карикатурные, то условные до полной «бестесности»: неисчислимое множество наименований

цифровом, тонких, реминисцентных, понятных в лучшем случае самым образованным из соотечественников, и неизменная жажда мира, непрятки лжи, насилия, буржуазного лицемерия, близких любому честному человеку земли... все это давало и даёт благодатную почву для критических изысканий и для читательских споров. Сложность, «неудобность» писательского почерка Грасса, в котором, образно говоря, слелись готическая вязь и современная стеография, объясняется в том, что его произве-

дения крайне трудны для перевода. Советский читатель пока знает лишь с повестью «Кошка и мышь», опубликованной в журнале «Иностранный литература» в 1968 году.

Но при всех субъективных особенностях почерка Грасса, несомненно, одно: это почерк большого и самого блистательного художника. За «Данцигской трилогией» («Жестяной барабан», «Кошка и мышь», «Собачьи годы») последовали романы «Под местным наркозом», «Из дневника улитки», «Камбала»... и многое другое, публицистические выступления, также составившие несолькотомов. Кроме того, Грасс настойчиво пробовал свои силы как драматург и как поэт. И, наконец, двадцатилетие своего первого крупного литературного успеха писатель отметил выходом повести «Встреча в Тельте» (1979) — и вновь подлил масла в и без того жарине критические kosten.

Когда знакомишься с ины-

Гюнтер Грасс (слева) на берлинской встрече писателей и учёных ряда стран Европы. Декабрь 1981 года.

ми комментариями и «Встрече» (разумеется, многоим для него произведением Грасса), так и вспоминается «языческое гоголевское»: «Но что странное, что непонятное всегда, это то, как авторы могут брать подобные сюжеты. Признаюсь, это уж совсем непостижимо...» Действительно, сюжет и здесь предельно

своебразен, решительно никак не связанный с повествованием воображаемой эпохи немецких писателей XVII века. Оттого, незаметно меньше и беднее целого — тем более газетных отрывков, с внутренними, в силу малого его объема, сокращениями, — и все же сужают и здесь предельно

ни: этого, видать, зачал на полном скаку какой-нибудь удачел из конинцы Мансфельда.

Вскоре выяснилось, однако, что Гельнхайзен стоял куда ближе к действительности, чем могло показаться. Когда Дах опидал нюрнбергцам бедственное положение поэтов, а Гельнхайзен тут же в пространно-вятеватой речи предложил все устроить, Харсдорфер отвел Даха в сторону: парень-дах хоть и несет околесицу на хуже иного странствующего звездочета, но куда более толков, остор и сведущ, чем о том свидетельствуют его шутовские повадки. Служит он секретарем шаунбургского полка, расквартированного в Оффенбурге. В Кельне, куда они прибыли по реке из Вюрцбурга, он уже имел случай выручить их из затруднений. Ему равно знакомы и отцы церкви, и греческие боги, и созвездия. И о нуждах низкой жизни он умеет позаботиться, как никто, и места ему тут все знакомы...

Наконец Гельнхайзен позволил изложит с таким трудом собранным и столь безуспешно бездомным господам суть своего предложения. Речь его была неотразима, как блеск золотых пуговиц, выстроившихся в два ряда на зеленой жилетке... Все дело настало и тридцати миль пути и усилий. При почти полной луне. К тому же по ровной дороге. А ведет она — коли господа не пожелают в папский Мюнстер — через Тельте, уютный городишко, обедневший, конечно, но оставшийся целим. А поскольку городу Тельте издавна не привыкать видеть стада паломников, то и паломникам-поэтам там найдется место почти наверное...

ПОД КОНЕЦ свой речь старый Векерлин был вынужден сесть. Опустошенный, с отсутствующим взглядом, он уже не мог следить за происходящим, за тем, как другие, громче всех Рист и Мюшерош, все больше распахивались, обращали свою ненависть ко всему чужому, не германскому в ненависть к своему родному, немецкому. Каждый выписывал то, что накопилось на душе. Гнев их подхалил на стихию. Разгоряясь, как пламя, возбуждение сдернуло их со стульев, табуретов и бочек. Они били себя в грудь. Заламывали руки. Кричали друг другу: да где ж она, их Германия, где ее искать? Существует ли она вообще, и если да, то в каком виде?

Когда Герхард в утешение вопрошавшим заявил, что им, избранным, будет даровано не земное, но небесное отечество, Грифус выбрался из свалки и принял что-то искать у окошка. Затем схватил горшок с чертополохом, живым, так сказать, символом сорбов, и мощно вздернул его кверху, так что толпа разделилась при виде его угрожающей позы. Разъяренный дикарь, гигант, стоящий Мойсей, он, после нечеловородных клохотаний, проревел: вот чертополох, немой, колючий, носимый ветрами, пожираемый ослами, проклинаемый крестьянами, но растение, а плевок божьего гнева, — вот он-то и есть их отечество! С этими словами Грифус громко зевнул озеро чертополох-Германию, и горшок разбился вдребезги.

Такой эффект как нельзя лучше отвечал настроению собрания. Положение отечества нельзя было представить с большей наглостью. К тому же чертополох лежал невредимым посреди земли и скелетов. Смотрите, вскричал Ценз, наша родина способна пережить любое падение!

Все глядели на чудо. И лишь теперь, когда компанией завладела детская радость из-за того, что чертополох оказался целым, когда юный Биркен стал присыпать корешки землей, в Ларемберг побежал за водой, лишь теперь, когда настроение собравшихся сбросило ожесточение, но еще не перешло в праздную болтовню, теперь только заговорил Симон Дах, рядом с которым встал и Даниэль Чепко. Еще во время бурных дебатов оба деловито и прилежно занимались какой-то бумагой, которую переписал набело Чепко, а Дах зачитал ее на стихию. Разгоряясь, как пламя, возбуждение сдернуло их со стульев, табуретов и бочек. Они били себя в грудь. Заламывали руки. Кричали друг другу: да где ж она, их Германия, где ее искать? Существует ли она вообще, и если да, то в каком виде?

Однако сколь ни жадно вняли они приглашению господина Даха, столь же быстро решимость и угласла: когда вдруг выяснилось, что в Эзеде, близ Оснабрюка, где должна была проходить встреча, не удалось подыскать помещения. Предусмотренная Дахом харчевня «У Раппенхайфа» оказалась, несмотря на своеобразный договор, занятая штабом шведского военного советника Эркесена. Ежели какие комнаты и оставались свободными от полковых секретарей и их командиров, то они были доверху забиты палками с делами. Большой трактирный зал, в котором можно было бы зятеть желанный разговор и читку рукописей, был превращен в продовольственный склад. Всюду сплюснулись кавалеристы и пехотинцы. Уходили и приходили курьеры. Эркесен даже не удостоил аудиенций. Профос, к нему Дах предъявил письменное соглашение с трактирщиком, был громогласно осмеян, когда попытался требовать от шведской казны выплаты неустойки. Дах вернулся с чаем.

Тупая сила. Закованная в латы щетка. Идиотское ржанье. Никому из шведов не были ведомы их имена. Им разрешили только передохнуть с дороги в маленькой каморке. Трактирщик советовал поэтам добраться до ольденбургского края, где без труда можно получить все, даже пристанище.

Однако сколь ни жадно вняли они приглашению господина Даха, столь же быстро решимость и угласла: когда вдруг выяснилось, что в Эзеде, близ Оснабрюка, где должна была проходить встреча, не удалось подыскать помещения. Предусмотренная Дахом харчевня «У Раппенхайфа» оказалась, несмотря на своеобразный договор, занятая штабом шведского военного советника Эркесена. Ежели какие комнаты и оставались свободными от полковых секретарей и их командиров, то они были доверху забиты палками с делами. Большой трактирный зал, в котором можно было бы зятеть желанный разговор и читку рукописей, был превращен в продовольственный склад. Всюду сплюснулись кавалеристы и пехотинцы. Уходили и приходили курьеры. Эркесен даже не удостоил аудиенций. Профос, к нему Дах предъявил письменное соглашение с трактирщиком, был громогласно осмеян, когда попытался требовать от шведской казны выплаты неустойки. Дах вернулся с чаем.

Тупая сила. Закованная в латы щетка. Идиотское ржанье. Никому из шведов не были ведомы их имена. Им разрешили только передохнуть с дороги в маленькой каморке. Трактирщик советовал поэтам добраться до ольденбургского края, где без труда можно получить все, даже пристанище.

Однако сколь ни жадно вняли они приглашению господина Даха, столь же быстро решимость и угласла: когда вдруг выяснилось, что в Эзеде, близ Оснабрюка, где должна была проходить встреча, не удалось подыскать помещения. Предусмотренная Дахом харчевня «У Раппенхайфа» оказалась, несмотря на своеобразный договор, занятая штабом шведского военного советника Эркесена. Ежели какие комнаты и оставались свободными от полковых секретарей и их командиров, то они были доверху забиты палками с делами. Большой трактирный зал, в котором можно было бы зятеть желанный разговор и читку рукописей, был превращен в продовольственный склад. Всюду сплюснулись кавалеристы и пехотинцы. Уходили и приходили курьеры. Эркесен даже не удостоил аудиенций. Профос, к нему Дах предъявил письменное соглашение с трактирщиком, был громогласно осмеян, когда попытался требовать от шведской казны выплаты неустойки. Дах вернулся с чаем.

Тупая сила. Закованная в латы щетка. Идиотское ржанье. Никому из шведов не были ведомы их имена. Им разрешили только передохнуть с дороги в маленькой каморке. Трактирщик советовал поэтам добраться до ольденбургского края, где без труда можно получить все, даже пристанище.

Однако сколь ни жадно вняли они приглашению господина Даха, столь же быстро решимость и угласла: когда вдруг выяснилось, что в Эзеде, близ Оснабрюка, где должна была проходить встреча, не удалось подыскать помещения. Предусмотренная Дахом харчевня «У Раппенхайфа» оказалась, несмотря на своеобразный договор, занятая штабом шведского военного советника Эркесена. Ежели какие комнаты и оставались свободными от полковых секретарей и их командиров, то они были доверху забиты палками с делами. Большой трактирный зал, в котором можно было бы зятеть желанный разговор и читку рукописей, был превращен в продовольственный склад. Всюду сплюснулись кавалеристы и пехотинцы. Уходили и приходили курьеры. Эркесен даже не удостоил аудиенций. Профос, к нему Дах предъявил письменное соглашение с трактирщиком, был громогласно осмеян, когда попытался требовать от шведской казны выплаты неустойки. Дах вернулся с чаем.

Тупая сила. Закованная в латы щетка. Идиотское ржанье. Никому из шведов не были ведомы их имена. Им разрешили только передохнуть с дороги в маленькой каморке. Трактирщик советовал поэтам добраться до ольденбургского края, где без труда можно получить все, даже пристанище.

Однако сколь ни жадно вняли они приглашению господина Даха, столь же быстро решимость и угласла: когда вдруг выяснилось, что в Эзеде, близ Оснабрюка, где должна была проходить встреча, не удалось подыскать помещения. Предусмотренная Дахом харчевня «У Раппенхайфа» оказалась, несмотря на своеобразный договор, занятая штабом шведского военного советника Эркесена. Ежели какие комнаты и оставались свободными от полковых секретарей и их командиров, то они были доверху забиты палками с делами. Большой трактирный зал, в котором можно было бы зятеть желанный разговор и читку рукописей, был превращен в продовольственный склад. Всюду сплюснулись кавалеристы и пехотинцы. Уходили и приходили курьеры. Эркесен даже не удостоил аудиенций. Профос, к нему Дах предъявил письменное соглашение с трактирщиком, был громогласно осмеян, когда попытался требовать от шведской казны выплаты неустойки. Дах вернулся с чаем.

Тупая сила. Закованная в латы щетка. Идиотское ржанье. Никому из шведов не были ведомы их имена. Им разрешили только передохнуть с дороги в маленькой каморке. Трактирщик советовал поэтам добраться до ольденбургского края, где без труда можно получить все, даже пристанище.

Однако сколь ни жадно вняли они приглашению господина Даха, столь же быстро решимость и угласла: когда вдруг выяснилось, что в Эзеде, близ Оснабрюка, где должна была проходить встреча, не удалось подыскать помещения. Предусмотренная Дахом харчевня «У Раппенхайфа» оказалась, несмотря на своеобразный договор, занятая штабом шведского военного советника Эркесена. Ежели какие комнаты и оставались свободными от полковых секретарей и их командиров, то они были доверху забиты палками с делами. Большой трактирный зал, в котором можно было бы зятеть желанный разговор и читку рукописей, был превращен в продовольственный склад. Всюду сплюснулись кавалеристы и пехотинцы. Уходили и приходили курьеры. Эркесен даже не удостоил аудиенций. Профос, к нему Дах предъявил письменное соглашение с трактирщиком, был громогласно осмеян, когда попытался требовать от шведской казны выплаты неустойки. Дах вернулся с чаем.

Тупая сила. Закованная в латы щетка. Идиотское ржанье. Никому из шведов не были ведомы их имена. Им разрешили только передохнуть с дороги в маленькой каморке. Трактирщик советовал поэтам добраться до ольденбургского края, где без труда можно получить все, даже пристанище.

Однако сколь ни жадно вняли они приглашению господина Даха, столь же быстро решимость и угласла: когда вдруг выяснилось, что в Эзеде, близ Оснабрюка, где должна была проходить встреча, не удалось подыскать помещения. Предусмотренная Дахом харчевня «У Раппенхайфа» оказалась, несмотря на своеобразный договор, занятая штабом шведского военного советника Эркесена. Ежели какие комнаты и оставались свободными от полковых секретарей и их командиров, то они были доверху забиты палками с делами. Большой трактирный зал, в котором можно было бы зятеть желанный разговор и читку рукописей, был превращен в продовольственный склад. Всюду сплюснулись кавалеристы и пехотинцы. Уходили и приходили курьеры. Эркесен даже не удостоил аудиенций. Профос, к нему Дах предъявил письменное соглашение с трактирщиком, был громогласно осмеян, когда попытался требовать от шведской казны выплаты неустойки. Дах вернулся с чаем.

Тупая сила. Закованная в латы щетка. Идиотское ржанье. Никому из шведов не были ведомы их имена. Им разрешили только передохнуть с дороги в маленькой каморке. Трактирщик советовал поэтам добраться до ольденбургского края, где без труда можно получить все, даже пристанище.

Однако сколь ни жадно вняли они приглашению господина Даха, столь же быстро решимость и угласла: когда вдруг выяснилось, что в Эзеде, близ Оснабрюка, где должна была проходить встреча, не удалось подыскать помещения. Предусмотренная Дахом харчевня «У Раппенхайфа» оказалась, несмотря на своеобразный договор, занятая штабом шведского военного советника Эркесена. Ежели какие комнаты и оставались свободными от полковых секретарей и их командиров, то они были доверху забиты палками с делами. Большой трактирный зал, в котором можно было бы зятеть желанный разговор и читку рукописей, был превращен в продовольственный склад. Всюду сплюснулись кавалеристы и пехотинцы. Уходили и приходили курьеры. Эркесен даже не удостоил аудиенций. Профос, к нему Дах предъявил письменное соглашение с трактирщиком, был громогласно осмеян, когда попытался требовать от шведской казны выплаты неустойки. Дах вернулся с чаем.

Тупая сила. Закованная в латы щетка. Идиотское ржанье. Никому из шведов не были ведомы их имена. Им разрешили только передохнуть с дороги в маленькой каморке. Трактирщик советовал поэтам добраться до ольденбургского края, где без труда можно получить все, даже пристанище.

Однако сколь ни жадно вняли они приглашению господина Даха, столь же быстро решимость и угласла: когда вдруг выяснилось, что в Эзеде, близ Оснабрюка, где должна была проходить встреча, не удалось подыскать помещения. Предусмотренная Дахом харчевня «У Раппенхайфа» оказалась, несмотря на своеобразный договор, занятая штабом шведского военного советника Эркесена. Ежели какие комнаты и оставались свободными от полковых секретарей и их командиров, то они были доверху забиты палками с делами. Большой трактирный зал, в котором можно было бы зятеть желанный разговор и читку рукописей, был превращен в продовольственный склад. Всюду сплюснулись кавалеристы и пехотинцы. Уходили и приходили курьеры. Эркесен даже не удостоил аудиенций. Профос, к нему Дах предъявил письменное соглашение с трактирщиком, был громогласно осмеян, когда попытался требовать от шведской казны выплаты неустойки. Дах вернулся с чаем.

Тупая сила. Закованная в л